Постнеклассическая психология и псевдонаука: реалистическая перспектива*

© 2020 г. А.А. Фёдоров

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, 630090, ул. Пирогова, д. 1.

E-mail: fedleks@yandex.ru

Поступила 21.05.2019

В статье анализируется постнеклассическая психология с позиций реалистической философии науки. Автор выделяет три особенности, способствующие тому, что постнеклассическая психология становится плодородной почвой для развития псевдонаучных идей. Это релятивизм, опирающийся на плюрализм истины; отрицание воспроизводимости как необходимого критерия научного знания; и размывание границы между научным и ненаучным знанием. В статье выявлено, что релятивизм часто вводится в постнеклассическую психологию посредством конструктивизма или конструкционизма. Отмечается, что уникальность объекта не является особым препятствием для научного исследования, которое опирается на критерий воспроизводимости. Также в статье обозначен ряд характеристик постнеклассической психологии, сближающих ее с контрнаучным мировоззрением (по Дж. Холтону). Это позволяет автору утверждать, что с классических позиций постнеклассическую психологию следует рассматривать не столько как новый этап развития науки, сколько как антинауку. Автор подчеркивает, что постнеклассическая рациональность облегчает проникновение псевдонаучных идей в психологию. В статье делается следующий вывод: в рамках постнеклассики философия науки не справилась с одной из своих функций, которая заключается в защите науки от предубеждений философов, мистиков, церковных деятелей и пр.

***Ключевые слова*:** постнеклассическая психология, философия науки, псевдонаука, антинаука, реализм, релятивизм, воспроизводимость, Холтон.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-93-103

Цитирование: *Фёдоров А.А.* Постнеклассическая психология и псевдонаука: реалистическая перспектива // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 93–103.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–013–00715.

Post-nonclassical Psychology and Pseudoscience: a Realistic Perspective*

© 2020 Alexandr A. Fedorov

Novosibirsk State University,
1, Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation.

E-mail: fedleks@yandex.ru

Received 21.05.2019

The article analyzes post-nonclassical psychology from the standpoint of realistic philosophy of science. There are three of its features that contribute to the fact that post-nonclassical psychology becomes a fertile ground for the development of pseudoscientific ideas. These are relativism, based on the pluralism of truth; the denial of reproducibility as a necessary criterion of scientific knowledge; and diffusion of the border between scientific and unscientific knowledge. It is revealed in the article that relativism is often embedded into post-nonclassical psychology by means of constructivism or constructionism. It is stated that the uniqueness of the object is not an obstacle to scientific research, which relies on the criterion of reproducibility. Also a number of characteristics of post-nonclassical psychology that bring it closer to the counter-scientific worldview (according to G. Holton) are identified in the article. It allows to suggest that from the classical standpoint post-nonclassical psychology should be considered not as a new stage in the development of science, but as an anti-science. It is concluded that within the post-nonclassical framework philosophy of science failed to exercise one of its functions, which is to protect science from the preconceptions of philosophers, mystics, church leaders, etc.

***Keywords*:** post-nonclassical psychology, philosophy of science, pseudoscience, anti-science, realism, relativism, reproducibility, Holton.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-93-103

Citation: Fedorov, Alexandr A. (2020) 'Post-nonclassical Psychology and Pseudoscience: a Realistic Perspective', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2020), pp. 93–103.

В последние годы отечественные методологи психологии все чаще в своих работах используют философские идеи, связанные с так называемой «постнеклассической наукой». Одни при этом полагают, что поворот к методологии постнеклассической рациональности совершается медленно и не слишком уверенно [Петренко 2018], другие пишут о том, что психология явно ступила на путь становления постнеклассической наукой [Гусельцева 2013, 79], третьи утверждают, что психология уже давно вошла в пределы постнеклассики [Клочко 2008]. Данная статья направлена на оценку уже существующих «постнеклассических» психологических концепций с точки зрения реалистической философии науки или, точнее, философии псевдонауки. Отправной точкой анализа является суждение А.Л. Никифорова о том, что «от имени постнеклассической науки за последние два десятилетия высказано немало сомнительных идей» [Никифоров 2013, 64]. И современная постнеклассическая психология, опирающаяся на релятивизм, представляет собой благодатную почву для развития псевдонаучных концепций, и в ряде случаев сама должна квалифицироваться как псевдонаука, поскольку обладает многими характеристиками, которые обычно приписываются псевдонаучным концепциям.

* The research was supported by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR), the scientific project No. 18–013–00715.

Три греха постнеклассической психологии

У постнеклассической психологии много лиц. И одно из наиболее часто встречающихся – это релятивизм. Иногда про это пишут прямо: «К настоящему моменту в психологии сложилось как минимум три ведущих методологических парадигмы – классическая (естественнонаучная), неклассическая (гуманитарная), постнеклассическая (релятивистская)» [Манеров, Королева, Богдановская 2007, 56–57]. Иногда релятивизм в постнеклассическую психологию вводится посредством конструкционизма или конструктивизма. Например, В.Ф. Петренко рассматривает конструктивизм как разновидность постнеклассической методологии [Петренко 2011; Петренко 2018]. М.С. Гусельцева в качестве образца постнеклассической рациональности в психологии рассматривает социальный конструкционизм, отрицающий то, что истина опирается на эмпирическую обоснованность, и развивающий идеи «особой креативности субъекта» [Гусельцева 2013]. Релятивизм в постнеклассической психологии может принимать и мягкую форму, как, например, в «методологическом либерализме» А.В. Юревича [Юревич 2001; Юревич 2010].

Релятивизм, в той или иной степени взятый на вооружение постнеклассической психологией, часто определяется посредством противопоставления взглядам, которые он отрицает, среди которых обычно называют и реализм. И хотя в сообществе отечественных методологов психологии встречается мнение о том, что реализм устарел и не отражает современные естественнонаучные практики (а, значит, тем более не подходит для психологической науки), это весьма далеко от истины. Ученые-физики, например, могут придерживаться не только критического реализма (см.: [Бунге 1975]), но и его более простой, наивной, формы. Так, американский физик С. Вайнбрег пишет, что «в нашей повседневной жизни мы все придерживаемся работающей философии, которая может быть названа наивным реализмом. И насколько я знаю, никто еще не показал, почему мы должны отказаться от наивного реализма, когда говорим об истории и философии науки» [Weinberg 2001, 240]. Признавая познаваемость мира, реалист не отрицает, что наука не является полностью свободной от влияния культурного контекста и ценностей, скорее утверждает, что такое состояние является некой асимптотической точкой, к которой наука должна стремиться. Как отмечает Вайнберг, «хотя ученые признают, что их теории часто несут отпечаток социального окружения, в котором они сформулированы, мы предпочитаем думать об этом как о неком загрязнении, неком шлаке среди металла, который мы в конечном итоге надеемся устранить» [Ibid., 238]. Х. Лэйси показывает, что, хотя в реалистической интерпретации наука не является полностью автономной, тезис объективности остается не только защищаемым, но и обязательным компонентном научной практики. Это подразумевает, что, во-первых, когнитивные ценности можно отделить от других видов ценностей (социальных, моральных, личностных и пр.), и, во-вторых, другие виды ценностей не принимаются во внимание при оценке научной теории, что позволяет избежать релятивизма и субъективизма [Lacey, 1999].

С точки зрения реалистического подхода к научному знанию релятивизм постнеклассической психологии является ее родовым недостатком, влекущим за собой остальные. Так, из релятивизма следует второй грех постнеклассической психологии – отрицание воспроизводимости как необходимого критерия научного знания. Аргументация обычно опирается на необходимость принятия во внимание уникальных и невоспроизводимых разовых случаев. Действительно, если истина плюралистична и зависит от контекста, нет никаких оснований для выдвижения требования, чтобы результаты, полученные в одних условиях одним исследователем, были *обязательно* воспроизведены в других. А.В. Юревич предлагает рассматривать психологические факты на неком континууме воспроизводимости, на одном полюсе которого находятся полностью воспроизводимые факты, а на другом – вообще невоспроизводимые [Юревич 2010]. И с точки зрения релятивизма нельзя исключать из научного рассмотрения ни те, ни другие факты.

В итоге постнеклассическая стратегия реагирования на кризис воспроизводимости, затронувший не только психологию, но и ряд других наук, заключается не в том, чтобы повысить воспроизводимость своих исследований, а в том, чтобы вывести воспроизводимость из перечня необходимых критериев научного знания. Как пишут ее сторонники, «с методологических позиций постнеклассической науки можно говорить о новых нормах научности в психологии, прежде всего таких, как диалогичность, плюралистичность, множественность истин, нестабильность как свойство систем» [Вачков, Вачкова 2016, 99]. Здесь стоит отметить, что уникальность объекта не является особым препятствием для научного исследования, которое опирается на критерий воспроизводимости, поскольку уникальный, пусть и развивающийся, объект может быть исследован множество раз. И несмотря на то, что ничто не мешает рассмотреть нам любой физический объект как уникальный (например, по своему положению во времени-пространстве и неповторимой внутренней системе взаимодействующих элементарных частиц), это никогда не являлось препятствием для того, чтобы требовать в научной практике воспроизводимости результатов физических экспериментов.

Постнеклассическая психология, однако, настаивает на том, что уникальные невоспроизводимые события сами по себе тоже должны входить в корпус научных знаний. Это требование, сочетающееся с релятивизмом, приводит нас к третьему греху постнеклассической психологии: размыванию границы между научным и ненаучным знанием. Постнеклассическая картина мира, как указывает В.С. Стёпин, соединяет западную научную рациональность с идеями, возникшими в восточных учениях и русском космизме [Стёпин 2006]. Степин осознает потенциальные следствия этого тезиса и отмечает, что подобное расширение поля науки «создает опасности появления различных маргинальных антинаучных концепций под видом нового развития науки. К ним можно отнести попытки прямолинейного переноса различных мистических идей древневосточных культур в современную науку. Например, древневосточные практики изменения состояния сознания трактуются как свидетельства существования параллельных миров, возможности прямого общения с внеземными цивилизациями и т.п.» [Там же, 379]. Но релятивизм постнеклассической психологии не дает нам критерия, по которому нужно отбирать идеи восточных доктрин, «подходящие» для инкорпорирования в научное знание. А отрицание необходимости воспроизводимости открывает возможности для включения в науку представлений о психической энергии, телепатии, телекинезе и пр. паранаучных феноменов. В.Ф. Петренко прямо пишет, что перспективной линией развития психологии является изучение феноменов синхронистичности, телепатии и предвидения (так называемой квантовый мистицизм), а человечество стоит на пороге контакта с иными разумными цивилизациями, контакта, который «возможно, осуществится посредством глубокой медитации или практики иных измененных состояний сознания» [Петренко 2018, 98]. На основании этого психологии обещается роль «царицы наук», поскольку « “братьев по разуму” можно искать не только запуская в космос радиозонды и телескопы, но и медитируя, направляя мысленный взгляд вглубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а возможно, и космического бессознательного» [Петренко 2016, 142]. Иными словами, речь идет именно о том, о чем предостерегает В.С. Степин. В этом контексте А.Л. Никифоров отмечает, что за то, что от лица постнеклассической науки высказано немало сомнительных идей, В.С. Степин никакой ответственности не несет [Никифоров 2013[a]]. Но идеи живут собственной жизнью. Если можно сочетать постнеклассическую науку с восточными учениями, почему ее нельзя сочетать с христианством? Т.П Войтенко утверждает, что экспликация аксиологических аспектов «делает неизбежным сопряжение психологической науки и религии» [Войтенко 2010, 80]. Иногда мирное «сопряжение» заменяется весьма ультимативным выбором: «Постнеклассическая психология сегодня – это развилка: либо христианская благодатная психология, либо бесовская психология падшести и проклятья» [Слободчиков 2007, 96]. Иными словами, постнеклассическая наука *должна* строиться на принятии «благодатных» христианских идей (неясно, почему не на принятии благодатных идей пастафарианства), а все прочее объявляется бесовским порождением.

Или почему мы должны отвергнуть идеи теософии? Или оккультных практик, таких как каббала, с которой у современного постнеклассического познания существует «внутренняя смысловая связь» [Аршинов, Лайтман, Свирский 2007, 53]? В итоге оказывается, что современная постнеклассическая наука не просто приходит к выводам, созвучным некой «мистической картине мира» (включающей тантризм, суфизм и пр.), но и *должна* учесть опыт мистических учений, который из разряда экзотики переходит в категорию «жизненной необходимости» [Жиртуева 2018]. Отметим, что даже относительно умеренные представители постнеклассической науки признают, что постнеклассическая *рациональность* «содержит изрядную долю *иррационального*» (*курсив наш. – А.Ф.*) [Клочко 2005, 49], и призывают легитимировать в науке метафизическое понятие духа [Клочко 2013].

В духе методологического либерализма А.В. Юревич пытается дистанцироваться от таких мистических, псевдо- и паранаучных концепций: «Подобно тому как не существует “неправильных” психологических теорий, поскольку каждая из них достаточно адекватно объясняет какой-либо аспект психологической реальности, не существует и “неправильно работающих” или “не нужных” психологов (парапсихологи и иже с ними – не в счет)» [Юревич 2010, 150]. Но эта оговорка выглядит весьма слабой, поскольку признав безуспешность поиска критерия демаркации в когнитивном поле, А.В. Юревич пытается доказать, что этот критерий носит социальный характер. Если человек принадлежит ученому сообществу, то его необычные идеи маркируется не как паранаучные, а как «экзотические». Иными словами, если про телепатию пишет практикующий астролог, то это паранаучная идея, а если академический психолог – то научная, пусть и экзотическая. Это, однако, не решает проблемы, поскольку научное сообщество при оценке некоторой теории руководствуется не только тем, кто ее высказал, но также содержанием теории и качеством проведенных исследований (демонстрацией этого принципа является практика двойного слепого рецензирования в журналах). Если с позиций методологического либерализма нет неправильных психологических теорий, то это означает, что у нас нет никаких «когнитивных» оснований делать оговорку по поводу парапсихологии.

Поскольку экспансия ненаучных и мистических доктрин в «постнеклассической науке» сопровождается, как правило, указанием на некий кризис европоцентричной и техногенной культуры, логичным является и следующий шаг: не просто постулировать «созвучность» научных теорий и древних мистических и религиозных доктрин, но и сделать последние основанием первых. Вряд ли это должно вызвать особое удивление, поскольку сторонники постнеклассической рациональности говорят не просто о неких случайных поверхностных совпадениях, но о внутренней смысловой связи. И в свете этого оказывается, что древние мудрецы уже тысячелетия назад понимали то, что современная «постнеклассическая наука» сумела сформулировать только сейчас. Так, обсуждая постнеклассическую психологию, И.В. Вачков и С.Н. Вачкова прямо указывают, что *философским* основанием постнеклассической науки являются «философские идеи древности, взгляды писателей, художников, церковных иерархов и др., восточные учения» [Вачков, Вачкова, 2016, 99]. Таким образом, высказанная Степиным идея о соединении западной науки и восточных учений трансформировалась в представления, согласно которым в основание передовой «постнеклассической» науки следует поместить воззрения художников, писателей, мистиков и церковных деятелей.

Постнеклассическая психология и псевдонаука

Релятивизм постнеклассической психологии, ведущий к пренебрежению эмпирическими доказательствами и воспроизводимостью научных результатов, а также сопровождающейся внедрением в научную психологию религиозных, мистических и прочих ненаучных доктрин, сближает ее с псевдонаучным знанием. Я не склонен утверждать, что *вся* постнеклассическая психология является псевдонаукой. Скорее, постнеклассическая рациональность облегчает проникновение псевдонаучных идей

в психологию. В таком интеллектуальном климате можно всерьез в научных журналах обсуждать идею контакта с инопланетянами посредством медитации и прочих «духовных» практик.

То, что грань между научным и вненаучным знанием в постнеклассической психологии стирается, признают и ее сторонники. Ссылаясь на постмодернизм, который «демократизирует» науку, размывая водораздел между научными и вненаучными формами знания, М.С. Гусельцева пишет, что «грань научного и вненаучного знания, эрудиции и дилетантизма явилась одной из проблем, особенно остро вставших именно в постнеклассической науке» [Гусельцева 2013, 305]. И добавляет, что у постнеклассической психологии есть особый метод, некая сферхрефлексивность, которая «превращает, казалось бы, ненаучные и вненаучные практики в науку» [Там же, 115]. Именно это «превращение», которое я склонен рассматривать как *маскировку*, и есть тот прием, который ненаучное знание превращает в псевдонаучное. Согласно С.О. Хэнсону, псевдонаука – это не просто ненаучное знание, а ненаучное знание, которое пытается притвориться научным [Hansson 2013]. Иными словами, мистическая доктрина о существовании психической энергии, пронизывающей мироздание, является ненаучным знанием, но когда она используется в науке и рассматривается как некая научная концепция, то она превращается в псевдонауку. Религия сама по себе не является псевдонаукой (как и наукой), но когда на основе религии строится научная психологическая теория, у нас есть все основания рассматривать ее как псевдонаучную.

Вообще, попытки поиска связей между мистическими, религиозными и прочими вненаучными доктринами и современным научным знанием на основе их внешнего сходства также демонстрируют типичную особенность псевдонауки, которую П. Тагард назвал «мышлением по аналогии» [Thagard 1993]. Тяга постнеклассической психологии к метафорам и аналогиям мною уже обсуждалась ранее [Фёдоров 2018[а]; Фёдоров 2018[б]].

Отметим еще одну особенность постнеклассической психологии. В своем анализе псевдонауки А. Деркcен выделяет семь грехов, один из которых заключается в том, что правильно взглянуть на вещи и познать истину могут лишь отдельные, посвященные люди [Derksen 1993]. И дело не просто в том, что «посвящение», которым, например, в случае З. Фрейда является прохождение самим ученым через процедуру психоанализа, наделяет человека знаниями и навыками. Дело в том, что посвящение трансформирует самого человека и позволяет ему видеть мир по-новому. В случае постнеклассической психологии посвящение как процедура отсутствует, но, тем не менее, выдвигается требование, заключающееся в том, что только человек, перешедший на «новый уровень» мышления, может видеть мир как *должно*, то есть через призму постнеклассической рациональности. Так, например, В.Е. Клочко пишет, что постнеклассический предмет психологии может увидеть только психолог, «поднявшийся на вершину», то есть перешедший на самый высокий уровень мышления. При этом он добавляет, что людей, которые не слышат «пения» Л.С. Выготского в чистой постнеклассической тональности, «стоит по-человечески пожалеть, но помочь им нельзя» [Клочко 2005, 40]. И.В. Черникова отмечает, что постнеклассическая реальность, «в которой преобладают нелинейные процессы, неустойчивые саморазвивающиеся системы, в которой действуют эффекты когерентности, синхронистичности, синергийности, коэволюции, открывается подготовленному, соучаствующему сознанию. Требуется мышление нового типа, способного бросить вызов пониманию неопределенности, сложности, контекстуальности, мышление свободное от традиций редукционизма, прогрессизма, универсализма» [Черникова 2011, 72]. Важно, что это новое «соучаствующее» мышление не является просто новым знанием, которое необходимо для понимания сложных теорий. Это именно новый уровень, на который может подняться далеко не каждый. Подобное требование защищает и от внешней критики, поскольку ученого, который не способен увидеть в мире, например, синхронистичность, всегда можно упрекнуть в том, что он скован классическим мышлением, так и не сумев (или не захотев?) перейти на новый уровень ментальности, а потому этот феномен для него

«закрыт» и его можно только пожалеть. Можно напомнить, что синхронистичность – это псевдонаучная концепция К.Г. Юнга, которая никогда не получала экспериментального подтверждения, заключающаяся в признании наличия у событий «смысловой» связи и использующаяся, среди прочего, для объяснения таких феноменов, как телепатия, ясновидение, предвидение будущего и пр. При этом часто проводят параллели между синхронистичностью и апофенией, то есть немотивированным видением взаимосвязей.

Наконец, можно обозначить и другие особенности постнеклассической психологии, сближающие ее с контрнаучным мировоззрением, взяв за основу критерии, предложенные Дж. Холтоном [Холтон, 1992; Holton, 1993]. Во-первых, в центре находится идеал субъективности, а не объективности. Как пишет М.С. Гусельцева, постнеклассическая рациональность не просто мирится с субъективностью знания, но «поддерживает пристрастность наблюдателя» [Гусельцева 2013, 83]. Во-вторых, вытекающий из идеала субъективности личностный характер познания. В-третьих, это качественный, а не количественный характер результатов. Неслучайно в постнеклассической психологии наблюдается явный крен в сторону гуманитарного знания и расцвет качественных исследований, одновременно с практически полным исчезновением в ней математических моделей. Так, М.С. Гусельцева пишет, что Л.А. Заде «убедительно показал, что так называемые объективные и количественные методы не пригодны не только для гуманитарных наук, наук, но и для изучения в принципе достаточно сложных реальностей» [Там же, 39]. Это, безусловно, не так: ничего такого один из создателей «нечеткой логики» и не думал показывать. Он лишь писал о том, что «обычные количественные методы анализа систем непригодны для гуманистических систем» [Заде 1974, 7], а про основания своего подхода говорил, что они «вполне точны и математичны по духу» [Там же, 13]. Иными словами, он призывал не отказываться от математики, а, напротив, развивать ее в направлении, которое сделает ее пригодной для использования в изучении сложных гуманистических систем. В-четвертых, уникальный, единичный, а не обобщенный характер результатов, что уже обсуждалось выше. В-пятых, установка на таинственное и чудесное, что также уже анализировалось. В-шестых, установка на практическую пользу, а не решение научных проблем. Так, указывается, что нормой научного познания в постнеклассической науке является «практическая ориентированность» [Вачков, Вачкова 2016, 99]. Это отмечает и Л.А. Никифоров, выдвигая тезис о том, что «*никакой постнеклассической науки нет*, а есть рост прикладных исследований со своими вненаучными целями и ценностями» [Никифоров 2013[а], 64]. В процессе дискуссии Никифоров оказывается «вынужден», по собственным словам, согласиться с существованием постнеклассической науки как некоторого феномена, но описывает его с сожалением, поскольку это означает смерть или предсмертное состояние классической науки, направленной на поиск истины, и вытеснение внутринаучных ценностей социальными [Никифоров 2013[б]]. В-седьмых, модернистская картина мира, ориентирующаяся на науку, характеризуется нерефлексивностью и равнодушным отношением к основанию своей деятельности, в то время как «альтернативная наука» и постнеклассическая психология рефлексивны и даже, если использовать терминологию М.С. Гусельцевой, сверхрефлексивны. В-восьмых, отказ от ориентации на идеалы Просвещения, включая прогрессизм и универсализм. В-девятых, отказ от признания иерархических отношений между областями знания, сопряженный с признанием их равной авторитетности, что облегчает проникновение в науку идей, идеалов и норм из вненаучных областей.

Список можно продолжить, но вышеприведенных пересечений достаточно, чтобы отнести постнеклассическую психологию к феномену, который Дж. Холтон называет антинаукой (разновидностью которой является и псевдонаука), представляющей собой «заявку на ясное, четкое, конструктивное и функциональное, потенциально всеохватывающее альтернативное миропонимание, в рамках которого декларируется возможность “науки”, весьма отличной от той, которая известна нам сегодня» [Холтон 1992, 33]. Иными словами, постнеклассическая психология с точки зрения реалистической

философии науки – это не новый этап развития науки, а нечто принципиально иное, настолько чужеродное, что его можно назвать *антинаукой*, направленной не на декларируемое мирное сосуществование с классической наукой, а на ее отвержение, развенчание и преодоление.

Философия как защита от философии

Стоит отметить, что модель В.С. Стёпина, предполагающая выделение классической, неклассической и постнеклассической науки, была получена на материале естествознания и не подходит для описания развития психологической науки [Федоров, 2018[6]]. В любом случае, современная психология, определяющая себя как постнеклассическую, мало соответствует тому образу постнеклассической науки, который содержится в работах В.С. Стёпина. Так, например, он неоднократно подчеркивал, что постнеклассическая наука – это, прежде всего, *наука*, сохраняющая при всех изменениях идеал объективности как свой родовой признак [Стёпин 2013]. В свете этих слов постоянный акцент постнеклассической психологии на субъективности знания выглядит предельно далеким от того, какой должна быть постнеклассическая наука. Но, как уже указывалось, идеи живут собственной жизнью, и в итоге постнеклассическая психология стала не столько постнеклассической наукой, сколько классической антинаукой. По разным причинам постнеклассическая рациональность оказалась удобным знаменем для проникновения в психологию ненаучных и псевдонаучных идей, а также размывания критериев науки как таковой. Отчасти это связано с тем, что в постнеклассической психологии идеи В.С. Стёпина часто работают как «метафорические конструкты», порой превращаясь в свою полную противоположность. Учитывая это, важно отметить, что в данной статье анализируется не постнеклассическая наука *per se*, а именно постнеклассическая психология в том виде, в котором она представлена в работах современных психологов.

Вероятно, обсуждаемое «утончение» грани между наукой и псевдонаукой в рамках постнеклассической психологии рассматривается как нечто положительное и позволяющее «наводить мосты», но представляется, что это, скорее, дефект философской позиции, нежели ее достоинство. Какую философию науки должен предпочесть ученый, если его *заставят* выбирать: ту, которая «виртуозно ходит по грани», рефлексивно играя с ненаучными и псевдонаучными концепциями, ставя под сомнение классические критерии научного знания, или ту, которая четко, пусть и нерефлексивно, отделяет науку от ненаучных доктрин, держась от них так далеко, насколько это только возможно? Это отнюдь не запрещает ученому изучать «пограничные» феномены, но к их изучению он подходит, опираясь на классические *родовые* признаки науки, включая объективность и воспроизводимость.

Это приводит к вопросу о том, какую роль должна играть философия науки для современного ученого. Интересный ответ на него дает С. Вайнберг, который считает, что философия приносит ученым пользу, «как правило, в негативном смысле – защищая их от предубеждений других философов» [Weinberg 1994, 166]. Именно с этой защитной функцией, с точки зрения классического ума, не справилась (по крайней мере, в отношении психологии) философия науки, опирающаяся на постнеклассическую рациональность, поскольку она не только не способствует защите от предубеждений философов, но активно поощряет их проникновение в науку, добавляя к ним еще и предубеждения мистиков, церковных деятелей и пр.

Заключительные слова, возможно, прозвучат немного парадоксально, поскольку статья, начавшись с философии науки, в итоге приходит к призыву игнорировать ее в реальной научной практике (что ни в коем случае не стоит воспринимать как отрицание ценности философии вообще). Психология слишком долго строила себя с оглядкой на ненаучное знание, неся груз многочисленных философских и религиозных взглядов. Ученым, включая психологов, нет нужды взлетать на вершины, как призывают постнеклассики, чтобы увидеть реальность: вершины уже заняты философами. Нам нужно

вернуться к модернистскому мироощущению и перестать (сверх)рефлексировать над основаниями своей науки. Наконец, нам следует перестать читать философов науки, ища у них то ответы на вопросы о том, какой наукой должна быть психология, то оправдания ее нынешнему состоянию. Как остроумно заметил американский астрофизик Л. Краусс, по его мнению, единственными людьми, читающими труды философов науки, являются другие философы науки. Пусть для психологов так и будет, по крайней мере, некоторое время.

Источники – Primary Sources in English and Russian Translations

Бунге 1975 – *Бунге М.* Философия физики. М.: Прогресс, 1975 [Bunge, Mario *Philosophy of Physics* (Russian translation)].

Заде 1974 – *Заде Л.А.* Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений // Математика сегодня. М.: Знание, 1974. С. 5–49 [Zadeh, Lotfi A. *Outline of a New Approach to the Analysis of Complex Systems and Decision Processes* (Russian Translation)].

Thagard, Paul R. (1993) *Computational Philosophy of Science*, A Bradford Book, Cambridge, MA.

Ссылки – References in Russian

Аршинов, Лайтман, Свирский 2007 – *Аршинов В.И., Лайтман М., Свирский Я.И.* Сфирот познания. М.: ЛКИ, 2007.

Вачков, Вачкова 2016 – *Вачков И.В., Вачкова С.Н.* Воспроизводимость психологических экспериментов как проблема постнеклассической науки // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 97–101.

Войтенко 2010 – *Войтенко Т.П.* Постнеклассическая перспектива современной психологии: сопряжение науки и религии // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 3. С. 61–82.

Гусельцева 2013 – *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности: историко-методологическое исследование. М.: Акрополь, 2013.

Жиртуева 2018 – *Жиртуева Н.С.* Постнеклассическая наука и философско-мистическая картина мира // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 77–85.

Клочко 2005 – *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский государственный ун-т, 2005.

Клочко 2008 – *Клочко В.Е.* Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 165–178.

Клочко 2013 – *Клочко В.Е.* Проблема сознания в психологии: постнеклассический ракурс // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 4. С. 20–35.

Манеров, Королева, Богдановская 2007 – *Манеров В.Х., Королева Н.Н. и др.* Методология постнеклассической психологии и подготовка практических психологов // Вестник практической психологии образования. 2007. № 4. С. 56–60.

Никифоров 2013[а] – *Никифоров А.Л.* Что такое «постнеклассическая наука»? // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 59–64.

Никифоров 2013[б] – *Никифоров А.Л.* Вынужден согласиться // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 106–107.

Петренко 2011 – *Петренко В.Ф.* Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 75–81.

Петренко 2016 – *Петренко В.Ф.* Контакт с космическим сознанием через исследования человеческой ментальности? // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 142–155.

Петренко 2018 – *Петренко В.Ф.* К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 89–101.

Слободчиков 2007 – *Слободчиков В.И.* Христианская психология в системе психологического знания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 90–97.

Стёпин 2006 – *Стёпин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.

Стёпин 2013 – *Стёпин В.С.* Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36. № 2. С. 78–91.

Фёдоров 2018[а] – *Фёдоров А.А.* Интеллектуальные уловки постнеклассической психологии // Reflexio. 2018. Т. 11. № 2. С. 114–133.

Фёдоров 2018[б] – *Фёдоров А.А.* Типы научной рациональности в психологии: критика подходов // Вопросы психологии. 2018. № 6. С. 88–99.

Холтон 1992 – *Холтон Дж.* Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–58.
Черникова 2011 – *Черникова И.В.* Типология науки в контексте современной философии науки // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 71–78.
Юревич 2001 – *Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.
Юревич 2010 – *Юревич А.В.* Методология и социология психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2010.

References

Arshinov, Vladimir I., Laitman, Michael, Svirsky, Yakov I. (2007) *Sefirot of knowledge*, Izdatel'stvo LKI, Moscow (in Russian).
Bunge, Mario (2001) *Philosophy in Crisis: The Need for Reconstruction*, Prometheus Books, Amherst, N.Y.
Chernikova, Irina V. (2011) 'Typology of Science in the Context of Contemporary Philosophy of Science', *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2011), pp. 71–78 (in Russian).
Derksen, Anthony A. (1993) 'The Seven Sins of Pseudo-Science', *Journal for General Philosophy of Science*, 24, 1, pp. 17–42.
Fedorov, Alexandr A. (2018[a]) 'Intellectual Impostures of Post-nonclassical Psychology', *Reflexio*, 11, 2, pp. 114–133 (in Russian).
Fedorov, Alexandr A. (2018[b]) 'Types of Scientific Rationality in Psychology: A Critique of Approaches', *Voprosy Psikhologii*, 6, pp. 88–99 (in Russian).
Guseltseva, Marina S. (2013) *Evolution of Psychological Knowledge in the Change of Types of Rationality: Historical and Methodological Research*, Akropol, Moscow (in Russian).
Hansson, Sven O. (2013) 'Defining Pseudoscience and Science'. In Pigliucci M., Boudry M. (Eds.) *Philosophy of Pseudoscience: Reconsidering the Demarcation Problem*, University of Chicago Press, Chicago, pp. 61–77.
Holton, Gerald (1992) 'What is *Anti-science*?', *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (1992), pp. 26–58 (in Russian).
Holton, Gerald (1993) *Science and Anti-science*, Harvard University Press, Cambridge, MA.
Klochko, Vitaly E. (2005) *Self-organization in Psychological Systems: Problems of Development of Mental Space of Personality (An Introduction to Transspective Analysis)*, Tomsk State University, Tomsk (in Russian).
Klochko, Vitaly E. (2008) 'Post-non-classical Science and Problem of Explanation in Psychology', *Methodology and History of Psychology*, 3, 1, pp. 165–178 (in Russian).
Klochko, Vitaly E. (2013) 'Problem of Consciousness in Psychology: Post-non-classical Perspective', *The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 4, pp. 20–35 (in Russian).
Lacey, Hugh (1999) *Is Science Value Free? Values and Scientific Understanding*, Routledge, London.
Manerov, Valery H., Koroleva, Natalia N., Bogdanovskaya, Irina M. (2007) 'Methodology of Post-non-classical Psychology and Training of Practical Psychologists', *Vestnik prakticheskoj psixologii obrazovaniya*, 4, pp. 56–60 (in Russian).
Nikiforov, Alexandr L. (2013[a]) 'What is "Post-non-classical Science"?', *Epistemology & Philosophy of Science*, 36, 2, pp. 59–64 (in Russian).
Nikiforov, Alexandr L. (2013[b]) 'Forced to Agree', *Epistemology & Philosophy of Science*, 36, 2, pp. 106–107 (in Russian).
Petrenko, Viktor F. (2011) 'Constructivism as a New Paradigm in Human Sciences', *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2011), pp. 75–81 (in Russian).
Petrenko, Viktor F. (2016) 'Contact with the Cosmic Consciousness through the study of Human mentality', *Social Sciences and Contemporary World*, 5, pp. 142–155 (in Russian).
Petrenko, Viktor F. (2018) 'To the Problem of the Collective Unconscious within the Framework of the Philosophy of Post-Non-Classical Rationality and Constructivist Psychology', *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2018), pp. 89–101 (in Russian).
Slobodchikov, Viktor I. (2007) 'Christian Psychology in the System of Psychological Knowledge', *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 4, 2, pp. 90–97 (in Russian).
Stepin, Vyacheslav S. (2006) *Philosophy of Science. General Problems*, Gardariki, Moscow (in Russian).
Stepin, Vyacheslav S. (2013) 'Features of Scientific Knowledge and Criteria for Types of Scientific Rationality', *Epistemology & Philosophy of Science*, 36, 2, pp. 78–91 (in Russian).
Vachkov, Igor. V., Vachkova, Svetlana N. (2016) 'Reproducibility of Psychological Experiments as a Problem of Post-Nonclassical Science', *Cultural-historical psychology*, 12, 1, pp. 97–101 (in Russian).
Voytenko, Tatyana P. (2010) 'Postnonclassical Perspective of Modern Psychology: Conjugation of Science and Religion', *Konsul'tativnaja psikhologija i psikhoterapija*, 3, pp. 61–82 (in Russian).

Weinberg, Steven (1994) *Dreams of a Final Theory: The Scientist's Search for the Ultimate Laws of Nature*, Vintage Books, New York.

Weinberg, Steven (2001) 'Peace at Last?', In Labinger, Jay A., Collins, Harry (Eds.) *The One Culture? A Conversation about Science*, University of Chicago Press, Chicago, pp. 238–240.

Yurevich Andrei V. (2001) 'Methodological liberalism in psychology', *Voprosy Psikhologii*, Vol. 5 (2001), pp. 3–18 (in Russian).

Yurevich Andrei V. (2010) *Methodology and Sociology of Psychology*, Institut psikhologii RAN, Moscow (in Russian).

Zhirtueva Natalia S. (2018) 'Post-nonclassical Science and Philosophical and Mystical Worldview', *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2018), pp. 77–85 (in Russian).

Сведения об авторе

ФЁДОРОВ Александр Александрович –
кандидат психологических наук,
заведующий кафедрой клинической психологии
Новосибирского государственного университета.

Author's information

FEDOROV Alexandr A. –
CSc in psychology,
head of the section of clinical psychology,
Novosibirsk State University, Novosibirsk.